

И. А. Миролубов

ORCID: 0000-0001-5904-1147

✉ peter-herzog@yandex.ru

*Московский государственный объединенный
художественный историко-архитектурный
и природно-ландшафтный музей-заповедник
(Россия, Москва)*

ОСНОВАНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ В КОНТЕКСТЕ МИФОЛОГИИ

Аннотация. Основание Константинополя было одним из важнейших событий правления императора Константина Великого. Он поставил перед собой амбициозную задачу создать «новый Рим», который должен был служить маркером начала новой эпохи и новым центром *Pax Romana*. Оставляя в стороне вопросы технического характера, автор статьи сосредоточил свое внимание на идеологической основе, которой было подкреплено основание столь значимого города. Константин Великий, хотя и заслужил репутацию новатора, никогда не упускал из виду исторические корни самосознания римлян и активно использовал их для подкрепления вводимых им новшеств. Основание Константинополя сопровождалось отсылками к мифам о Троянской войне, образам Энея, Ромула и Рема. Использование этих сюжетов позволяло укрепить восприятие Константинополя как «нового Рима», а самого Константина — как нового Ромула, основателя государства и человека, открывшего своими свершениями новую эпоху.

Ключевые слова: Константинополь, Византий, Рим, Константин Великий, Ромул, Капитолийская волчица, Палладий, Эней, Поздняя Римская империя

Для цитирования: Миролубов И. А. Основание Константинополя в контексте мифологии // Шаги/Steps. Т. 6. № 2. 2020. С. 249–258. DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-2-249-258.

*Статья поступила в редакцию 2 сентября 2019 г.
Принято к печати 16 октября 2019 г.*

I. A. Miroljubov

ORCID: 0000-0001-5904-1147

✉ peter-herzog@yandex.ru

*The Moscow State Integrated Art
and Historical Architectural and Natural Landscape Museum-Reserve
(Russia, Moscow)*

THE FOUNDING OF CONSTANTINOPLE IN THE CONTEXT OF MYTHS

Abstract. The founding of Constantinople was one of the most significant events of Constantine's the Great epoch and his major building project. It has always attracted serious attention of historians. Along with purely technical issues (the period of construction, the amount of money and materials spent, etc.), it is worth paying attention to how the project on building a new center of Pax Romana was ideologically justified. According to Ammianus Marcellinus (*Res Gest.* XXI.10.8), Constantine's nephew Julian upbraided his uncle for his reckless commitment to innovations. However, as some modern scientific researches show us, many of the emperor's innovations were based on a clever interpretation of old ideologemes. In this respect, the use of traditional myths about the origin of Rome in connection with the founding of Constantinople looks especially interesting. These are the myths about the Trojan War, as well as the story of Aeneas, the Capitoline She-wolf, Romulus and Remus. The direct reference to the image of Romulus, the founder of Rome, is evidence of Constantine viewing the new city founded by him as the new Rome, and its foundation as a new landmark in the history of the Roman state (which Constantine himself called in his letter to the poet Porphyrius — *saeculum meum*).

Keywords: Constantinople, Byzantium, Rome, Constantine the Great, Romulus, Capitoline She-wolf, Palladium, Aeneas, Late Roman Empire

To cite this article: Miroljubov, I. A. (2020). The founding of Constantinople in the context of myths. *Shagi / Steps*, 6(2), 249–258. DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-2-249-258.

Received September 2, 2019

Accepted October 16, 2019

Эпоха Константина Великого стала поворотным моментом в мировой истории благодаря двум событиям: легализации христианства и основанию Константинополя. Константин был далеко не первым императором, который назвал город по своему имени¹. Однако новый город должен был не просто увековечить имя своего основателя, но стать новой столицей римского мира, преобразовать который Константин намеревался в последние годы своего правления². О том, что Константинополь строился как соперник Риму, сообщает вся древняя нарративная традиция. То, что это состязание между двумя городами было инициировано самим Константином, подтверждается и его словами, и его делами [Müller-Wiener 1977: 20; Bardill 2012: 252]. Благодаря Филосторгию мы знаем, что он именовал свой город *Alma Roma* (Philost. *Hist. Eccl.* II.9), а авторы, описывающие строительную деятельность императора, указывают на факт копирования в Константинополе некоторых римских построек. Доходило и до анекдотических эпизодов. Поздний византийский автор сообщает, что Константин, отослав некоторых видных римлян на восточную границу под предлогом ее обороны, отстроил в Константинополе точные копии их римских вилл, куда и поселил их по возвращении (Script. Orig. Const., vol. II, p. 145–147³). Конечно, в подобном сказочном сюжете налицо гиперболизация, однако думается, что этот анекдот верно передает стремление Константина «повторить» Рим и интенсивный темп его строительной деятельности.

Масштабный проект императора привлекал и привлекает к себе серьезное внимание исследователей. Наряду с техническими вопросами (о времени возведения, сумме затраченных средств и материалов и т. п.) интересно обратить внимание и на то, как идеологически обосновывалось такое новшество, как строительство нового центра римского мира. Племянник Константина, император Юлиан, упрекал дядю в безрассудном стремлении к разным новшествам (apud Amm. Marc. *Res Gest.* XXI.10.8). Однако, как показывает в своей монографии Дж. Бардилл, многие новшества императора подкреплялись остроумной интерпретацией старых идеологем [Bardill 2012]. В этой связи интересно появление в истории основания Константинополя отсылок к целому ряду мифов, напрямую связанных с историческим сознанием римлян. Речь идет о Троянской войне и истории Ромула и Рема.

¹ К примеру, биограф императора Адриана отмечает его пристрастие называть в свою честь города и акведуки (SHA Nadr. 20.4–5). Император Филипп Араб основал близ Аравии Филиппополь (Aur. Vict. *De caes.* 28.1). Более того, сам Константин в 313 г. назвал Константиной отстроенную им Цирту (Aur. Vict. *De caes.* 40.28).

² Планы Константина угадываются из его подготовки к походу против персов, который так и не состоялся по причине смерти императора. В его преддверии Константин выдал свою дочь, возведенную в достоинство августы (Philost. *Hist. Eccl.* III.22), за племянника Ганнибалиана, которому дал титул «царь царей и народов Понта» (*Origo Const. imp.* 6.30). В этой связи высказывались догадки [Bleckmann 1994: 40–41], что Константин планировал установить гексархию — власть четырех императоров (троих сыновей и племянника Далмация) в рамках старых границ Римской империи в содружестве с персидским царем царей (Ганнибалианом), женатым на римской августе (Констанции), которая выступает связующим звеном между римскими и персидским правителями.

³ При ссылке на источники обычно следуем устоявшейся в изданиях практике деления их на книги, главы и параграфы. Там, где это невозможно, даем ссылки по страницам используемых изданий. Сами издания указаны в списке источников.

Благодаря так называемому Анонимному продолжателю Диона — византийскому автору, которого пытались отождествить с Петром Патриkiem [Cataudella 2003: 437–441], — мы знаем, когда у Константина появилась идея о создании новой столицы. Этот автор сообщает, что император называл Сердику — одну из императорских резиденций того времени — своим Римом (FHG, vol. IV, p. 199). Присутствие императора в этом городе неоднократно фиксируется источниками на протяжении 316–322 гг. [RIC (7) 1966: 76–77], т. е. сразу после того, как этот регион оказался под контролем Константина. Таким образом, именно Сердика первоначально могла стать новым Константинополем. Во всяком случае, именно здесь Константин 1 марта 317 г. присвоил императорские титулы двум своим старшим сыновьям — Криспу и Константину-младшему [Kienast 2004: 299]. Однако после 322 г. интерес Константина к Сердике резко снизится: император появится здесь снова лишь в мае 327 г., а затем посетит город в 329 г. на пути в Константинополь [RIC (7) 1966: 77–78], что резко контрастирует с частыми визитами в Сердику в предыдущий период. Причина этого охлаждения предельно проста. До 324 г. Константин вел упорную борьбу за обладание единовластием. В 314–324 гг. главным его соперником был Лициний, контролировавший восточные области Римской империи. Война между ними приняла затяжной характер (историк Евтропий характеризует ее как череду конфликтов и перемирий). Насколько мы знаем из сообщений нарративной традиции, война эта прошла в два этапа: вначале Константин закрепился на Балканах, а уже после осуществил бросок в восточном направлении. Его пребывание в Сердике вполне объясняется стратегической необходимостью [Potter 2013: 239]. В 324 г. Константин одолел Лициния, и эта победа сделала его единоличным правителем Римской империи. Сердика уже была императорской резиденцией в правление тех императоров, поколение которых Константин уничтожил во время гражданских войн 306–324 гг. [Ibid.: 50–51; Lenski 2016: 187–188]. Начавшуюся эпоху своего единовластия император считал новым веком — в письме к поэту Порфирию он именуется «мой век» (*saeculum meum* — Porph. *Carm.*, p. 4). Соответственно, город, названный в его честь, не должен был ассоциироваться с персонажами политической истории недавнего прошлого.

По сообщениям нарративной традиции, Константин вел довольно активные поиски места для своего строительного проекта. Позже Иоанн Зонара отметит, что при своих поисках он руководствовался неким «божественным оракулом» (*Zon. Epitome Hist.* XIII.3). Деталь эта не была отражена во всей предшествовавшей традиции (в том числе в сочинениях язычников), и потому непонятно, обращался ли Константин к языческим обрядам, выбирая место для города. В любом случае «оракул» не дал ему точного указания, потому что император долго не мог определиться. Однако география поиска сместилась относительно Сердики на юг: два автора, непримиримость которых в религиозном вопросе в некотором смысле гарантирует их независимость друг от друга, а именно христианин Эрмий Созомен (*Soz. Hist. Eccl.* II.3) и язычник Зосим (*Zos. Hist. Nov.* II.30), указывают, что поиск осуществлялся императором в Троаде.

Выбор этого региона, естественно, отсылает к событиям Троянской войны. Более того, Созомен подчеркивает, что строительные работы были начаты рядом с «могилой Аякса», на месте, где были «пристань и лагерь ахейцев,

осаждавших Трою». Подобная «точность» в поиске мест Троянской войны не оставляет сомнений в том, что отсылка к древнейшей, мифической истории римлян, чьими родоначальниками считались троянец Эней и его спутники⁴, бежавшие из захваченного ахейцами города, была вполне сознательной. Здесь можно вспомнить, что еще в период диктатуры Цезаря в Риме ходили слухи о возможном переносе столицы в Троаду⁵ (Suet. *Iul.* 79.3).

Однако сразу после начала строительных работ в этом месте Константин, по сообщению Зосима, «раскаялся» и бросил начатый проект (*Hist. Nov.* II.31.1). Причина нам неясна, но на этот раз поиски переместились в сторону Босфора, а затем были перенесены из Азии в Европу, где в конечном итоге на основе древнего Византия и появился Константинополь. Благодаря Зосиму мы знаем, что во время военной кампании 324 г. Константин лично руководил осадой этого города (*Hist. Nov.* II.25.1), что дало ему возможность познакомиться с его выгодным местоположением. На это же указывает и латинский биограф Константина, который подчеркивает, что город должен был прославить победу Константина над своим последним соперником на пути к единоличной власти (*Origo Const. imp.* 6.30). Однако нас интересуют не рациональные причины, а то, какие элементы мифологии были призваны обосновать выбор императора. Сам Константин в нормативном акте от 1 декабря 334 г. указывает на божественное вмешательство: Константинополь он именует «городом, который мы одарили вечным именем по велению Бога» (CTh. XIII.5.7). Упоминание Божества оставляло широкий простор для толкований, которые не замедлили появиться. Христианин Созомен сообщает, что Бог явился Константину во сне и указал на Византий (*Hist. Eccl.* II.3). Однако наряду с христианским видением ситуации с основанием города мы имеем и языческое объяснение. Оно сохранилось благодаря позднейшей компиляции Иоанна Зонары. Этот автор рассказывает о том, как строительные бригады были атакованы орлами близ города Халкедона: «Орлы спустились, забрали у строителей веревки и, перелетев через пролив, бросили их в сторону Византия — так случилось часто, и об этом было доложено императору» (*Epitome Hist.* XIII.3). Этот момент особенно примечателен. Во-первых, эпизод обыгрывает известный миф о том, как Дельфийский оракул посоветовал для основания будущего города Византия выбрать место «напротив слепцов». В итоге было выбрано место на северном берегу Мраморного моря напротив неудачно расположенного Халкедона, основатели которого в свое время не смогли разглядеть преимущества противоположного берега (Strab. *Geograph.* VII.6.2; у Геродота городом слепцов Халкедон называет персидский военачальник Мегабиз — Herod. *Hist.* IV.144). В сходной ситуации оказался и Константин: потратив много сил на поиски в Малой Азии, он долго не мог разглядеть выгодно расположенный Византий, географические преимущества которого к тому же прекрасно пред-

⁴ По свидетельству Дионисия Галикарнасского, в его время в Риме проживало порядка 50 семей, которые возводили свою родословную к спутникам Энея (*Antiq. Rom.* I.85.3). Любопытно, что биограф императора Клавдия Готского, считавшегося предком Константина Великого, на основании каких-то данных или слухов предлагает вариант его родословной, восходящий к героям Илу, основателю Трои, и Дардану (SHA Claud. 11.9).

⁵ Страбон отмечает «родственное» отношение Цезаря лично и римлян вообще к Илиону (Strab. *Geograph.* XIII.1.27).

ставлял благодаря осаде 324 г. Во-вторых, орел в системе римских религиозных воззрений выступал как символ верховного божества — Юпитера. Таким образом, перед нами объяснение божественного вмешательства с языческой точки зрения. Наконец, в-третьих, появление птиц отсылает нас к традиции гаданий по полету птиц, с которых, согласно данным римской исторической традиции, началось и основание Рима. Так, мы знаем из рассказов Тита Ливия и Плутарха, что Ромул и Рем наблюдали за появлением птиц для определения условий основания города (Liv. *Ab Urbe Condita* I.6.4; Plut. *Rom.* 9).

Определив место, Константин должен был обозначить свои планы строителям. Подробный рассказ об этом оставил Филосторгий, который среди прочего обращает внимание на очерчивание границ будущего города — *romerium*. Константин, согласно рассказу Филосторгия, лично обошел пешком границу будущего города, чертя на земле линию копьем. Когда спутники, удивленные размерами будущего города, спросили его: «Как далеко еще идти, повелитель?» — он ответил: «Пока тот, кто идет впереди меня, не остановится» (*Hist. Eccl.* II.9). Оставляя в стороне факт экстатического опыта, обратим внимание на сам акт очерчивания границ. С учетом того, что новый город должен был стать новым Римом, важно вспомнить, что границы Рима старого некогда очертил сам Ромул, а затем они были расширены Сервием Туллеем, Суллой, Августом, Клавдием и некоторыми последующими императорами [Richardson 1992: 293–296]. Константин решил не уступать своим предшественникам, но, основывая новый Рим, он состязался не с кем-то из императоров⁶, а с самим Ромулом. Последний, согласно рассказу Плутарха (*Rom.* 11), лично вычерчивал границу плугом, в то время как следовавшие за ним люди аккуратно сгребали землю в сторону города. Константин избежал детального повторения этой церемонии, однако с большим вниманием отнесся к нескольким важным аспектам: он шел пешком и очерчивал границу лично, при этом своими словами подчеркнул сакральный характер действия.

Еще один сакральный элемент, сопровождавший основание Константинополя, — это перенос палладия — культовой статуэтки, доставленной из Трои в Италию при содействии Энея⁷. Первые сообщения об этом содержатся у Проккопия (с несколько скептической ссылкой на рассказы жителей Византия-Константинополя: Procop. *Bell. Goth.* I.15.14) и у Иоанна Малалы (*Malal. Chron.* XIII, p. 320). Перенос этого талисмана должен был иметь символическое значение для обоснования первенства нового города. Однако поздний характер сообщения о переносе палладия мог бы заставить усомниться в правдивости этого эпизода. Впрочем, кроме нарративной традиции в нашем распоряжении имеется камея IV в., изображающая Константина вместе с богиней Тихе Кон-

⁶ Здесь вообще стоит отметить несколько презрительное отношение Константина к своим предшественникам. Евсевий сохранил его скептические характеристики императоров-тетрархов (*Vita Const.* II.49; 51), а Анонимный продолжатель Диона отмечает, что некоторым императорам прошлого Константин придумывал уничижительные прозвища [FHG (4): 199].

⁷ Здесь надо отметить, что свидетельства античной традиции относительно судьбы палладия после разрушения Трои довольно разноречивы. Сообщение о переносе палладия Энеем в Италию было воспринято римлянами (этот сюжет даже появлялся на римских монетах [Angelova 2015: 26]; считалось, что палладий хранится в храме Весты [Richardson 1992: 412]).

стантинополя и экспонируемая ныне в Государственном Эрмитаже. Опираясь правой рукой на копьё, в левой император держит меч, однако положение его руки несколько неестественно. Последнее исследователи могут объяснять тем, что до переработки каменья в XIX в. Константин был изображен именно с палладием [Неверов 1998: 138–139]. Таким образом, перенос палладия может быть не городской легендой, но вполне конкретной мифологемой, пущенной в ход еще при Константине. Как сообщает нарративная традиция, палладий был помещен императором на форуме в центре города, под порфировой колонной, которую увенчивала статуя самого Константина в образе солярного божества⁸ [Müller-Wiener 1977: 255; Bardill 2012: 252–253].

Строительство нового города велось ускоренными темпами. Античная, в том числе христианская традиция отмечает, что для украшения своей столицы Константин проводил изъятие культурных ценностей из других городов [Potter 2013: 262]; Иероним в своей «Хронике» подчеркивает, что Константинополь был украшен путем «оголения» (*nuditas*) прочих городов (Hieron. *Chron.* s. a. 330). Уже к 330 г. строительство было завершено, и 11 мая 330 г. состоялась церемония его освящения [Kienast 2004: 300; Bardill 2012: 151]. Основание новой столицы было отмечено монетной чеканкой, которая производилась во многих монетных дворах империи; изображения и легенды на монетах которой прославляли членов императорской семьи и их достижения. Однако в 330–335 гг. монетные дворы империи выпускали также монеты, на аверсе которых мы видим персонификацию Рима, а сзади размещено изображение волчицы, выкармливающей двух младенцев (пример подобной чеканки на монетном дворе Константинополя — [RIC (7) 1966: 579]). Образ Ромула и Рема, вскармливаемых волчицей, привлек внимание Константина еще раньше — в 315 г. в Тицине был отчеканен медальон, три примера которого дошли до наших дней (один из них экспонируется в Государственном Эрмитаже). Здесь Константин представлен обращенным к зрителю в три четверти, в доспехе и с конем; щит императора украшен изображением братьев-близнецов Ромула и Рема, а также волчицы [Bleckmann 2006: 20; Bardill 2012: 177–178]. Появление этого сюжета из биографии основателя Рима среди идеологем, используемых Константином, находит параллели среди достопримечательностей Константинополя. Описывающий их анонимный автор VIII в. отмечает, что Константин среди прочего украсил город вывезенной им из Антиохии скульптурой, изображающей гиену (*Script. Orig. Const.*, vol. I, p. 61). По данным Никиты Хониата, видевшего эту статую, она стояла возле скульптурной группы, изображающей волчицу вместе с Ромулом и Ремом; при этом автор отмечает древность обеих скульптур [Paramastorakis 2009: 215]. Д. Поттер предполагает, что скульптурная композиция была прислана из Рима [Potter 2013: 262]. Прямых указаний на то, что и волчица была установлена при Константине, у нас нет, однако мы можем это предполагать, коль скоро интерес к этому элементу римской мифологии фиксируется монетами времен Константина.

Обобщая сказанное выше, мы можем отметить, что под основание Константинополя императором была подведена серьезная идеологическая база. Возведение новой столицы римского мира было не только амбициозным стро-

⁸ Согласно христианской нарративной традиции, колонна была также местом хранения христианских реликвий (*Socr. Hist. Eccl.* I.17).

ительным проектом, но и грандиозной идеологической кампанией по прославлению Константина и его эпохи. В ее рамках были задействованы персонажи и сюжеты греко-римской мифологии, напрямую связанные с возникновением Римского государства: это Троянская война, история Энея, а также Ромула и Рема. Прямая отсылка к образу основателя Рима — Ромула, вскормленного волчицей, — подчеркивает тот факт, что Константин рассматривал основанный им город в качестве нового Рима, а само его основание — как новую веху в истории Римского государства.

Источники

- Amm. Marc. *Res Gest.* — Ammiani Marcellini Res Gestae («Римская история» Аммиана Марцеллина).
- FHG (4) — Fragmenta Historicorum Graecorum. Vol. IV / Ed. C. Müller. Parisii: Editore Ambrosio Firmin Didot, 1851.
- СTh. — Codex Theodosianus (Кодекс императора Феодосия).
- Liv. *Ab Urbe Condita* — Livii Ab Urbe Condita («История от основания города» Тита Ливия).
- Herod. *Hist.* — Herodoti Historia («История» Геродота).
- Hieron. *Chron.* — Hieronymi Chronicon («Хроника» Иеронима).
- Malal. *Chron.* — Ioannis Malalae Chronographia / Ex recensione L. Dindorfi. Bonnæ: impensae Ed. Weberi, 1831.
- Origo Const. imp.* — Origo Constantini imperatoris («Происхождение императора Константина» анонимного автора).
- Philost. *Hist. Eccl.* — Philostorgii Historia Ecclesiastica («Церковная история» Филосторгия).
- Plut. *Rom.* — Plutarchi Vita Romuli («Жизнь Ромула» Плутарха).
- Porph. *Carm.* — Publilii Optatiani Porphyrii Carmina / Rec et praef. L. Mueller. Lipsiae: in Aedibus B. G. Teubneri, 1877.
- Procop. *Bell. Goth.* — Procopii *Bellum Gothicum* («Война с готами» Прокопия Кесарийского).
- RIC (7) — The Roman Imperial Coinage. Vol. 7 / Ed. by P. M. Bruun. London: Spink and Son Ltd., 1966.
- SHA — Scriptores Historiae Augustae (Авторы жизнеописания Августов).
- Script. Orig. Const. — Scriptores originum Constantinopolitanarum / Rec. T. Preger. Vol. I–II. Lipsiae: in Aedibus B.G. Teubneri, 1901–1907.
- Socr. *Hist. Eccl.* — Socratis Scholastici Ecclesiastica Historia («Церковная история» Сократа Схоластика).
- Soz. *Hist. Eccl.* — Sozomeni Ecclesiastica Historia («Церковная история» Созомена).
- Strab. *Geograph.* — Straboni Geographia («География» Страбона).
- Suet. *Iul.* — Suetonii Tranquilli Vitae Divi Iulii («Божественный Юлий» Светония).
- Zon. *Epitome Hist.* — Ioannis Zonarae Epitome Historiarum («Сокращение историй» Иоанна Зонары).
- Zos. *Hist. Nov.* — Zosimi Historia Nova («Новая история» Зосима).

Литература

- Неверов 1998 — *Неверов О. Я.* Античные камни в собрании Эрмитажа: Каталог. Л.: Искусство, 1988.
- Angelova 2015 — *Angelova D. N.* Sacred founders: Women, men, and gods in the discourse of imperial founding, Rome through early Byzantium. Oakland: Univ. of California Press, 2015.
- Bardill 2012 — *Bardill J.* Constantine, Divine Emperor of the Christian Golden Age. New York: Cambridge Univ. Press, 2012.
- Bleckmann 1994 — *Bleckmann B.* Constantina, Vetrano, und Gallus Caesar // *Chiron*. Bd. 24. 1994. S. 29–68.
- Bleckmann 2006 — *Bleckmann B.* Sources for the history of Constantine // *The Cambridge companion to the age of Constantine* / Ed. by N. Lenski. New York: Cambridge Univ. Press, 2006. P. 14–31.
- Cataudella 2003 — *Cataudella M. R.* Historiography in the East // *Greek and Roman historiography in late antiquity: Fourth to sixth century A. D.* / Ed. by G. Marasco. Leiden; Boston: Brill, 2003. P. 391–447.
- Kienast 2004 — *Kienast D.* Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie. 3. unveränderte Aufl. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2004.
- Lenski 2016 — *Lenski N.* Constantine and the cities: Imperial authority and civic politics. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 2016.
- Müller-Wiener 1977 — *Müller-Wiener W.* Bildlexikon zur Topographie Istanbuls. Byzantion, Konstantinupolis, Istanbul bis zum Beginn des 17. Jahrhundert. Tübingen: Wasmuth, 1977.
- Papamastorakis 2009 — *Papamastorakis T.* Interpreting the *De Signis* of Niketas Choniates // *Niketas Choniates: A historian and a writer* / Ed. by A. J. Simpson, S. Efthymiadis. Geneva: La Pomme d'Or, 2009. P. 209–224.
- Potter 2013 — *Potter D. S.* Constantine the Emperor. New York: Oxford Univ. Press, 2013.
- Richardson 1992 — *Richardson L.* A new topographical dictionary of Ancient Rome. London; Baltimore: The Johns Hopkins Univ. Press, 1992.

References

- Angelova, D. N. (2015). *Sacred founders: Women, men, and gods in the discourse of imperial founding, Rome through early Byzantium*. Oakland: Univ. of California Press.
- Bardill, J. (2012). *Constantine, Divine Emperor of the Christian Golden Age*. New York: Cambridge Univ. Press.
- Bleckmann, B. (1994). Constantina, Vetrano, und Gallus Caesar. *Chiron*, 24, 29–68. (In German).
- Bleckmann, B. (2006). Sources for the history of Constantine. In N. Lenski (Ed.). *The Cambridge companion to the age of Constantine*, 14–31. New York: Cambridge Univ. Press.
- Cataudella, M. R. (2003). Historiography in the East. In G. Marasco (Ed.). *Greek and Roman historiography in late antiquity: Fourth to sixth century A. D.*, 391–447. Leiden: Brill.
- Kienast, D. (2004). *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie* (3rd ed.). Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. (In German).
- Lenski, N. (2016). *Constantine and the cities: Imperial authority and civic politics*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press.
- Müller-Wiener W. (1977). *Bildlexikon zur Topographie Istanbuls. Byzantion, Konstantinupolis, Istanbul bis zum Beginn des 17. Jahrhundert*. Tübingen: Wasmuth. (In German).

- Neverov, O. Ia. (1988). *Antichnye kamei v sobranii Ermitazha* [Antique cameos in the Hermitage Collection]. Leningrad: Iskusstvo. (In Russian).
- Papamastorakis, T. (2009). Interpreting the *De Signis* of Niketas Choniates. In: A. J. Simpson, S. Efthymiadis (Eds.). *Niketas Choniates: A historian and a writer, 209–224*. Geneva: La Pomme d'Or.
- Potter, D. S. (2013). *Constantine the Emperor*. New York: Oxford Univ. Press.
- Richardson, L. (1992). *A new topographical dictionary of Ancient Rome*. Baltimore: The Johns Hopkins Univ. Press.

* * *

Информация об авторе

Иван Андреевич Миролюбов
кандидат исторических наук
сотрудник, отдел экскурсий,
Московский государственный
объединенный художественный
историко-архитектурный и природно-
ландшафтный музей-заповедник
Россия, 115487, Москва, пр-т Андропова,
д. 39
Тел.: +7 (499) 614-67-79
✉ peter-herzog@yandex.ru

Information about the author

Ivan A. Mirolyubov
Cand. Sci. (History)
Tour Department Fellow,
The Moscow State Integrated Art and
Historical Architectural and Natural
Landscape Museum-Reserve
Russia, 115487, Moscow, Andropova Avenue,
39
Tel.: +7 499 614 67 79
✉ peter-herzog@yandex.ru